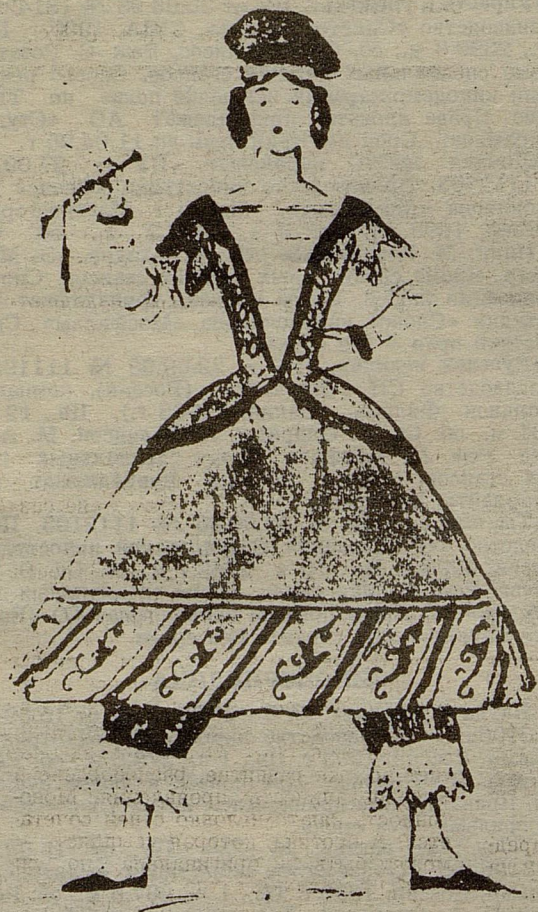

19.05.94

Синтазия

Люси Кошкиной

Кошкина Люси

Писать рецензию на анимационный фильм — сплошное мученье. Сразу вспоминаю пародию, прославившую Ефима Шифрина, на лекцию в картинной галерее. Ожившая живопись, подобно музыкальному произведению, особенно чужда словесному описанию. Людмила Кошкина сделала небольшой фильм, в котором живопись впитала в себя музыку, а музыка обрела зримое пластическое выражение.

«Рождественская фантазия» — это одушевленные вариации на темы знаменитого «Петрушки» Стравинского. Если уж обязательно искать истоки, то в какой-то мере фильм продолжает традиции неподражаемой ленты «Картинки с выставки» Александра Алексеева своей полной пластической свободой, раскрепощенностью и в то же время продуманной внутренней связью двух

рядов — изобразительного и музыкального.

Сделав несколько «карусельных» сюжетов, Людмила Кошкина оказалась в простое — глубоком и безнадежном. И прочувствовав свою ненужность на студии, занялась живописью, темперой.

Карнавальная стихия прокралась в ее картины не сразу, как-то незаметно, исподволь. И закружила в бурном, бурлеском водовороте клоунов, ряженных, масок. А однажды, тоже совершенно сам собой, нарисовался Петрушка. Примерно в это же время ее пригласили на балет в Большой, где «Петрушка» Стравинского был восстановлен в декорациях Александра Бенуа.

Так все совпало. Так возник фильм. Но я совершенно убеждена столь целостного, внутренне насыщенного удивительными образами микромира, перетекающими в неожиданные соцветия красок произведения не получилось бы, не имей режиссер замечательного либретто, в полном смысле слова авторского. Либретто, отнюдь не похожее на классическое, вдоль и поперек «изъезженное» хореографами всего мира, со своей фактурой, драматургией, характерами, написала известный драматург Роза Хуснутдинова. И уже на уровне этого первоначального текста вполне ощутим поиск внутреннего равноправного диалога — музыки и изображения.

Все же, подобно библейскому Слову, музыка в этом фильме первична. Музыка диктует все: ритм, логику сюжетных ходов и метаморфоз, характеры и, конечно же (в соответствии с гениальным скрябиновским учением), — цвет. Но несправедливым по отношению к фильму будет утверждение, что изобразительный ряд несет лишь служебную, вспомогательную функцию, что на фоне великой гармонии, созданной Стравинским, сама «картинка» — лишь ее бледный отзвук, или ответ. Словно вспомнив блоковского персонажа, истекающего клюквенным соком на подмостках ярмарочного балагана, «Рождественская фантазия» истекает красками. Она переливается в соцветиях, утопает в гаммах, рожденных полотнами «мир искусников». И история любви маленького тряпичного Петрушки, пропитанная сочным, взрывным колоритом картин Бакста, Бенуа, Головина, наполняется особым, значимым и драматичным смыслом, превращаясь в подлинную историю Любви.

Когда Люся Кошкина была маленькой девочкой, она придумывала кукольные театрализованные действия, которые называла «синтазиями». Как еще назвать спектакль,

в котором фантазия беззаботно смешивала балет, театр, цирк, рисунок? Слово это я вспомнила во время просмотра «Рождественской фантазии». И если ваши маленькие дети начнут знакомство с серьезной музыкой, с настоящим искусством именно с этого маленького фильма, думаю, это будет хорошим Началом.

Лара МАЛЮКОВА.

● Эскизы костюмов А. Бенуа к балету И. Стравинского «Петрушка».

Экран и сцена